

В собственном дворе Сун Мин сжигал десяток тетрадей. Он предчувствовал, что этот день настанет, еще много лет назад, но не ожидал, что всё случится так внезапно.

Сун Мин был незаконнорожденным сыном из сучжоуского клана Гао, чей ветвистый род отвечал за оценку антикварных монет.

О клане Гао в мире антиквариата знали все. Семья контролировала одиннадцать направлений оценки и реставрации древностей, разделенных на одиннадцать обособленных кланов. Каждое направление передавалось строго внутри своего круга, из поколения в поколение, без смешения знаний. В этой огромной семье лишь законные наследники, обладавшие талантом, могли изучать ремесло.

Мастеров из клана Гао было почти невозможно нанять. Никто не знал их имен: сегодня они могли быть офисными клерками, завтра — уличными торговцами или известными девелоперами.

Отец Сун Мина возглавлял направление монет, но всю жизнь оставался холостяком, так как любил мужчину. Сун Мин был лишь плодом этой связи, незаконнорожденным отпрыском, которого семья никогда не признавала.

Клан Гао придавал огромное значение чистоте передачи мастерства, допуская к обучению только признанных детей из своих рядов. Поскольку в поколении отца Сун Мина он был единственным наследником, а сам Сун Мин считался бастардом, семье пришлось искать ребенка на стороне и поручить Сун Мину обучить его.

Отец Сун Мина, движимый личными мотивами, без остатка передал свои знания сыну, даже обучил его другим видам оценки, но тому, другому наследнику, он преподавал лишь самый минимум.

Сун Мин с детства изучал антиквариат. Он обладал выдающимся талантом: схватывал всё на лету, был невероятно проницателен и, повзрослев, стал мастером оценки монет, попутно овладев остальными десятью ремеслами.

Перед смертью отец взял с него слово: никогда не возвращаться в клан Гао, жить тихо, зарабатывать своим трудом и никогда не признаваться, что он — потомок семьи Гао, что владеет навыками оценки монет и технологиями их имитации, а также знает секреты других десяти направлений.

Сун Мин свято хранил завет отца. Долгие годы он вел скромный образ жизни, перепродавая на рынке мелкие безделушки, никогда не берясь за крупные сделки. Если знакомые просили оценить что-то стоящее, он всегда отвечал, что ничего не понимает, и наотрез отказывался посещать аукционы.

Однако на прошлой неделе, прогуливаясь по рынку, он случайно попал в поле зрения людей из

клана Гао.

В тот день толпа обступила прилавок, где торговец расхваливал киданьское денежное дерево — полуфабрикат для отливки монет, напоминающий симметричное деревце. Торговец хвастался его ценностью и своим уникальным чутьем.

Денежные деревья на рынке встречались редко. Сун Мин не удержался и подошел поглазеть.

Кто-то рядом пробормотал:

— Интересно, сколько эта штука стоит?

Сун Мин, взглянув лишь раз, бросил:

— Денежное дерево с монетами Тяньцин Юаньбао эпохи Ляо, около ста тысяч.

Сказав это, он тут же поспешил уйти, боясь, что не сдержится и начнет хвастаться дальше. Он не знал, что мужчина, стоявший рядом, принадлежал к клану Гао. Тот долго провожал его взглядом.

Вернувшись домой, Сун Мин продолжал жить как обычно, но через пару дней почувствовал неладное. В его тихом пригороде, где все соседи знали друг друга, начали мелькать незнакомцы.

Сун Мин позвонил своему близкому другу Гао Яню, который тоже вращался в антикварных кругах. Гао Янь примчался мгновенно, прошел мимо дома, притворившись случайным прохожим, и тут же позвонил:

— Тебе нужно съезжать! Эти люди наверняка из клана Гао!

Сун Мин опешил:

— Почему они объявились? Они ведь знали о моем существовании, но никогда не признавали и не интересовались мной.

Гао Янь спросил:

— Они знают о твоём мастерстве?

— Нет, я не занимаюсь монетами!

— А в последнее время что-то оценивал?

Сун Мин хотел было отрицать, но вспомнил тот случай с денежным деревом. Он замялся, и после настойчивых расспросов Гао Яня рассказал всё как есть.

На том конце трубки Гао Янь хлопнул себя по бедру:

— Эх, уходи! Забирай Дундуна и уходи немедленно! У клана Гао огромные связи. Ты незаконнорожденный, да к тому же тайно изучил их ремесло! После смерти твоего отца они взяли на воспитание другого, а если узнают, что ты умеешь всё — думаешь, останешься в живых? Беги!

Сун Мин, стараясь сохранять спокойствие, ответил:

— Дай мне пару минут, я подумаю.

Повесив трубку, он взвешивал шансы. Клан Гао считал его обывателем, годами следил после смерти отца и, убедившись, что он лишь перебивается мелкими сделками, ослабил бдительность.

Теперь, если он попытается сбежать, они обязательно докопаются до истины. Уехать за границу? Но разве клан Гао не найдет его там? Нет, уйти самому не выйдет, но Дундун должен спастись!

Сун Мин снова позвонил Гао Яню:

— Другого выхода нет. Забирай Дундуна, а я выберусь позже и присоединюсь к вам.

Гао Янь рявкнул:

— А если ты не сможешь вернуться?!

Сун Мин грустно усмехнулся:

— Тогда придется тебе позаботиться о Дундуне.

Гао Янь замолчал, а потом глухо произнес:

— Хорошо, я заберу его. Поторопись!

Положив трубку, Сун Мин пошел в комнату к трехлетнему Дундуну. Малыш, который всегда спал крепко, сегодня уже проснулся и лежал в кроватке, посасывая палец.

Сун Мин сел рядом, убрал руку ребенка. Дундун, увидев отца, потянулся к нему:

— Папа, обними!

Дундун с рождения был болезненным, и Сун Мин души в нем не чаял, балуя сверх меры. Мальчик привык, что отец всегда рядом, и часто капризничал, разбрасывая игрушки по дому.

Сун Мин обнял сына, прижимая его к себе. Мысль о скорой разлуке терзала сердце, но это был единственный шанс вырваться из лап клана Гао. Если всё получится, они будут свободны!

— Дундун, скоро приедет дядя Гао, ты поедешь к нему на пару дней, хорошо? — прошептал он.

— Почему? — голос малыша был мягким и нежным.

— Папе нужно кое-что уладить, ты побудешь у дяди, ладно?

Дундун с надеждой поднял глаза:

— Правда? А потом мы пойдем гулять?

Из-за слабого здоровья мальчик почти не выходил из дома, в то время как другие дети играли на улице. Сун Мин чувствовал вину перед сыном из-за того, что их жизнь была так тесно связана с кланом Гао.

Вскоре приехал Гао Янь. Сун Мин собрал вещи Дундуна. Когда машина тронулась, малыш в маске обернулся и крикнул:

— Папа, возвращайся быстрее!

Сун Мин помахал рукой. Когда машина скрылась из виду, он почувствовал, как внутри образовалась пустота. Он сжал кулаки: он обязан вырваться! Он не позволит клану Гао следить за собой вечно.

Снаружи дома действительно была слежка. Но Сун Мин через Гао Яня распространил слух, что кто-то продает редчайшее денежное дерево, которое когда-то принадлежало его отцу. Клан Гао всполошился: для них этот артефакт был символом власти, и они давно искали его.

Пока Гао Янь увозил Дундуна, Сун Мин сжигал свои тетради в жаровне. Он не мог оставить записи, в которых содержались все его знания об антиквариате.

Когда последний уголек погас, он, не оглядываясь, решительно шагнул за порог. Он должен был сделать это в одиночку. Если он добьется своего — они с Дундуном начнут новую жизнь. Если проиграет... нет, он не имеет права проиграть. Ради сына — ни за что.

В детстве Сун Мин не раз был свидетелем яростных ссор родителей. Его отца звали Гао Цянь. Имя матери он не помнил, или, возможно, забыл, будучи слишком маленьким.

Они жили в том же дворике. Отец с любовником ссорились наверху, а маленький Сун Мин играл внизу. Позже тот человек ушел, и они остались вдвоем. Сун Мин никогда не спрашивал, куда он делся.

Повзрослев, он узнал правду. Его отец, Гао Цянь, был незаконнорожденным сыном Гао Жуншэна — плейбоя и главы монетного направления. Гао Жуншэн был талантлив, но, как выяснилось, не мог иметь детей. Тогда мать Гао Цяня, певичка из танцевального зала, принесла младенца, заявив, что это сын Гао Жуншэна.

Клан Гао забрал ребенка, чтобы воспитать как наследника, а мать выгнали. Вскоре она покончила с собой, как и законная жена Гао Жуншэна, не выдержав позора.

Гао Цянь вырос в этом гнилом семействе, где все было подчинено власти и деньгам. Даже когда времена изменились, клан Гао продолжал держаться за свои дикие порядки. Сун Мин, будучи сыном Гао Цяня, оказался за бортом.

Гао Жуншэн женился на женщине на двадцать лет моложе и усыновил другого мальчика, заставляя Гао Цяня обучать его. Когда Гао Цянь отказывался, его шантажировали жизнью Сун Мина.

Сун Мин до сих пор помнил ненавидящий взгляд того мальчика, его оскорбления и побои.

Гао Цянь ненавидел свою семью. Его возлюбленный был вынужден бежать, он сам стал лишь инструментом в руках клана, а его сын не имел даже документов.

После смерти отца Сун Мин хотел лишь спокойной жизни. Но недавние события показали: он все еще под колпаком у клана Гао. И он понял — если он не вырвется сейчас, однажды Дундун станет для них такой же разменной монетой.

Родовое гнездо клана Гао располагалось в центре города. Сун Мин стоял у ворот, за его спиной — двое дюжих молодцов. Проводник постучал, дверь открыла женщина в ципао. Она окинула Сун Мина презрительным взглядом, но он проигнорировал ее.

В гостиной, оформленной в современном стиле, на почетном месте сидел старик с седыми волосами. Рядом — Гао Жуншэн, его дед, и та самая женщина.

Сун Мин молчал. Старик, поправив очки, внимательно посмотрел на него:

— Похож на Гао Цяня на четыре части из десяти.

Гао Жуншэн, по знаку старика, спросил:

— Где денежное дерево Яолянь?

Сун Мин усмехнулся про себя, но лицо осталось бесстрастным:

— У меня.

— Почему ты не сказал раньше?

— Это вещь, которую оставил мне отец. Говорить об этом или нет — мое дело.

— Ты дерзок! — вскричал Гао Жуншэн.

<http://bllate.org/book/21448/2191861>